

Министерство образования и науки Российской Федерации
Министерство образования и науки Удмуртской Республики
ГОУВПО «Удмуртский государственный университет»
Институт права, социального управления и безопасности

**ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ
ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ
ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ**

Материалы межрегионального
научно-практического семинара
(4 февраля 2010 г.)

Ижевск 2010

ББК 67
П 68

Ответственный редактор доктор юридических наук, профессор
З.З. Зинатуллин

П 68 Проблемы применения досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовным делам: материалы межрегион. науч.-практ. семинара (4 февраля 2010 г.) / отв. ред. З.З. Зинатуллин. Ижевск: *Jus est*, 2010. 100 с.

ББК 67

Т.З. Зинатуллин*;
М.А. Ворончихин**

Нравственная составляющая института досудебного соглашения о сотрудничестве

Соглашение (по С.И. Ожегову – «единогласие») по одному лишь своему определению есть категория нравственная.

Отсюда и введенный Федеральным законом № 141-ФЗ от 29 июля 2009 г. «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» (гл. 40¹ УПК РФ), вне сомнения, относится к числу нравственных институтов современного российского уголовного процесса.

Нравственное содержание такого института просматривается в целом ряде его составляющих. Во-первых, рассматриваемый институт есть весьма полезное, эффективное средство в борьбе с преступностью вообще, в организованных и иных преступно-группировочных формах ее проявления в частности.

В условиях повышенной преступности (в 2006 г. зарегистрировано 3 853 373 преступления), когда в России в течение каждого часа регистрируется до 5 убийств, до 7 разбойных нападений, свыше 15 грабежей и свыше 150 краж (реальное положение, по данным эксперта Европейского института по анализу преступности профессора В.В. Лунеева «в 4-5 раз хуже»¹), а раскрываемость преступлений едва превысила 46 %² (по Удмуртии в 2006 г. она вообще составила лишь 33,4 %³), изобличение с помощью заключивших досудебное соглашение о сотрудничестве обвиняемых, виновных в совершении преступлений, особенно если он же руководитель организованных преступных группировок (ОПГ), уже само по себе есть серьезный вклад в оздоровление состояния социума, в построении в России действительно правового государства.

* К.ю.н., доцент кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности УдГУ.

** К.ю.н., доцент кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности УдГУ.

Во-вторых, широкое и плодотворное применение установленного гл. 40¹ УПК РФ института позволит значительно повысить доверие граждан России к самому государству, обязанному, как это закреплено в ст. 2 Конституции РФ, не только признавать, но и защищать права и свободы своих сограждан, повысить доверие к правоохранительным органам государства, которые сегодня, к сожалению, находятся на крайне низком уровне (по данным исследователей ИПСУБа Удмуртского госуниверситета, лишь 17 из 380 лиц, ставших жертвами преступлений, удовлетворены работой милиции, а это лишь 4,4 % от опрошенных⁴).

В-третьих, анализируемый институт нацелен не только на установление и изобличение совершающих преступление лиц, но и на розыск имущества, добытого в результате преступления (ч. 2 ст. 317¹, п. 2 ч. 1 ст. 317⁵, п. 2 ч. 4 ст. 317⁷ УПК РФ). Это обстоятельство с учетом существующего уровня благосостояния наших граждан представляется особенно важным.

Совершаемыми преступлениями причиняется очень значительный материальный вред как государству в целом, так и отдельным гражданам, а возмещение ущерба остается на очень низком уровне. С 2002 по 2007 г. материальный ущерб от зарегистрированных преступлений составил 1,5 трлн. руб. (реальный же ущерб в десятки раз больше), а возвращено государству и отдельным потерпевшим лишь около половины установленного ущерба⁵. По сути своей аналогичная ситуация и в Удмуртии, о чем свидетельствует, в частности, тот факт, что «из 289 человек, ставших жертвами имущественных преступлений, 175 человек не получили возмещения ущерба»⁶. И если с помощью обвиняемого, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, удастся повысить уровень возмещения причиненного преступлениями потерпевшим ущерба, особенно путем возврата непосредственно похищенного у них имущества (реституции), в правовом и нравственном отношении закрепленный в гл. 40¹ УПК РФ институт, конечно же, будет социально ценным институтом российского уголовного судопроизводства.

В-четвертых, социальная и нравственная ценность рассматриваемого института заключается и в его служении ресоциали-

зации лиц, совершающих преступление, в «возвращении» их в число полноценных граждан России. Страшно представить, что в России «людей, которые были бы способны пойти на совершение преступлений ... насчитывается ежегодно примерно 10 млн.»⁷, а это каждый четырнадцатый житель современной России. Необходимо предпринять самые решительные, энергичные меры к тому, чтобы у людей исчезли даже помыслы относительно возможного своего криминального поведения. Меры эти известны – лежат они в сфере повышения как дальнейшего благосостояния граждан, так и их социально-культурного уровня, нравственного воспитания. При этом всегда надлежит относиться к человеку как к высшей ценности, помнить мудрейшие слова великого юриста XIX – XX в. А.Ф. Кони о том, что «нет такого падшего или преступного человека, в котором безвозвратно был бы затемнен человеческий образ и по отношению к которому не было бы места слову снисхождению»⁸. Даже при том, что на сотрудничество с правоохранительными органами совершившие преступления лица идут иногда руководствуясь в определенном смысле негативными побуждениями в виде мести по отношению к бывшим соучастникам преступлений, вовлекшим их в преступную деятельность, за деньги либо «в обмен» на то, что ему будет назначено более мягкое, чем предусмотрено законом, наказание, либо применено условное осуждение или он полностью будет освобожден от отбывания наказания, что как раз и предусмотрено данным институтом (ч. 5 ст. 317⁷ УПК РФ), реально мыслящий человек смирится с необходимостью сотрудничества с лицами, совершившими преступления, понимая, что польза от такого сотрудничества очевидна и внедрять такое сотрудничество в практику борьбы с преступностью надо так, чтобы свести к минимуму его негативные последствия и вынести максимум пользы для людей⁹. Эти слова другого известного ученого и практика И.И. Карпеца, хотя и сказанные относительно полезности сотрудничества с доверенными лицами (агентами ... сотрудниками, осведомителями) при осуществлении оперативно-розыскной деятельности, полностью применимы и к институту досудебного соглашения о сотрудничестве, закрепление которо-

го в УПК РФ стало отчасти реализацией обоснованных суждений академика В.Н. Кудрявцева о необходимости включения основных положений Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» в УПК РФ¹⁰.

Таковы некоторые наши взгляды относительно нравственных основ института особого порядка принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

¹ См.: Лунеев В.В. Социальные последствия преступления, жертвы и цена преступности // Гос-во и право. 2009. № 1. С. 37.

² См.: Гаврилов Б.Я. Современная уголовная практика России: цифры и факты. М., 2008. С. 51.

³ См.: Мухин А.А. и др. Справочные материалы о состоянии и развитии преступности в России, Приволжском федеральном округе и Удмуртской Республике. Ижевск, 2007. С. 29.

⁴ См.: Зварыгин В.Е., Стех Э.Э. Латентная преступность и фактическая виктимизация населения в Удмуртской Республике // Вестн. Удм. ун-та, 2008. Вып. 1. С. 124.

⁵ См.: Лунеев В.В. Указ. соч. С. 51.

⁶ См.: Зварыгин В.Е., Стех Э.Э. Указ. соч. С. 124.

⁷ Кудрявцев В.Н. Стратегия борьбы с преступностью. М., 2003. С. 28.

⁸ Кони А.Ф. Избранные произведения. М., 1959. Т. 1. С. 55.

⁹ Карпец И.И. Сыск (записки начальника уголовного розыска). М., 1994. С. 184.

¹⁰ Кудрявцев В.Н. Указ. соч. С. 113.